

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА КУРСНАГО ПОМЪЩИКА.

Загробный поэтический голосъ за невинно-осужденнаго отца.

Издаваемая здѣсь стихотворная повѣсть или поэтическая быль сообщена намъ въ рукописи при слѣдующемъ поясненіи военнаго инженера, капитана Владимира Николаевича Полянскаго.

„Въ 1812 г. дворянинъ Феодоръ Ширковъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и почетомъ въ Курской губерніи, былъ обвиненъ въ убійствѣ своей любовницы (дочери сосѣда) и сосланъ въ Сибирь на каторгу, а потомъ поселенъ въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ. Молва гласила, что убійство было совершено не имъ, а по приказанію его кучеромъ, который совершилъ убійство, отвозя сосѣдку ночью домой.

Рукопись написана сыномъ Ф. Ширкова. Въ ней онъ старается доказать, что отецъ его невинно осужденъ по проискамъ Львовскихъ властей.

Дѣйствительно, молва говоритъ, что противъ Ширкова былъ сильно вооруженъ губернаторъ г. Курска, съ которымъ онъ однажды продѣлалъ слѣдующее: подъ предлогомъ посмотрѣть, какъ прекрасно устроена его новая карета, Ширковъ предложилъ губернатору влѣзть на козлы, и когда послѣдній это сдѣлалъ, то онъ приказалъ кучеру гнать лошадей и проѣхалъ по главной улицѣ Курска съ губернаторомъ на козлахъ...

Мѣстность, описываемая въ рукописи, находится въ Львовскомъ уѣздѣ Курской губерніи, гдѣ деревня Макаровка. Усадьба была расположена на крутомъ берегу р. Сейма; отъ нея теперь остались только слѣды фундамента большаго дома. Рѣчка, называемая въ рукописи „Теребовль“, на картѣ обозначена теперь „Теребля“.

Ф. Ширковъ жилъ въ Тобольскѣ, какъ говорятъ, въ довольствѣ. Хотя на каторгѣ онъ вторично женился, но его первая жена Настасья Петровна, рожденная Ртищева, всю жизнь о немъ заботилась, посылала ему лошадей, экипажи, деньги и трогательныя письма.

Прилагаемая рукопись найдена мною въ бумагахъ моего дѣда, Николая Ивановича Полянскаго, которому Ѳ. Ширковъ приходился тестемъ: моя родная бабка по отцу Анна Ѳеодоровна была дочерью Ѳ. Ширкова.

Къ сожалѣнію, рукопись безъ начала и конца, хотя эти пробѣлы не отнимаютъ у нея цѣльности и содержательности.

В. Н. Полянский“.

*

Печатаемое ниже произведеніе принадлежитъ сыну главнаго дѣйствующаго лица разсказанной здѣсь драмы, В. Ѳ. Ширкову, задавшемуся цѣлью обфлить своего отца и очистить его память отъ лежащаго на ней по волѣ судьбы темнаго пятна.

Для историческаго освѣщенія кровавой драмы, разыгравшейся въ одномъ изъ уголковъ Курской губерніи въ началѣ прошлаго вѣка, могутъ послужить нѣсколько найденныхъ нами источниковъ и матеріаловъ бытовой старины.

Въ „Чтеніяхъ Моск. О. Ист. и Др. Рос.“ за 1873 г. (кн. I, отд. Смѣсь), напечатанъ документъ подъ заглавіемъ „Прощеніе на высочайшее имя Льговской помѣщицы Алтуховой о дочери“¹⁾. Въ немъ Марія Алтухова проситъ Государя (т. е. Александра I) о пересмотрѣ уголовного дѣла объ убійствѣ ея дочери, совершенномъ въ 1812 г., по ея убѣжденію, помѣщикомъ Курской губ. Ѳеодоромъ Ширковымъ (бывшимъ съ этою дочерью въ связи), успѣвшимъ однако, благодаря своему богатству и подкупу (на это имъ истрачено-де 200000 руб.) такъ запутать дѣло, что онъ былъ оправданъ высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ Государственнаго Совѣта. Несчастливая мать, желая возстановить поправленную по ея убѣжденію истину, проситъ вновь разсмотрѣть дѣло или подвергнуть Ширкова и его жену, при ней и представителѣ губернской администраціи, очистительной присягѣ на мѣстѣ преступленія, что они точно неповинны въ крови ея дочери. Въ прошеніи сказано, что прилагается для прочтенія и записка ея; но, по замѣчанію редакціи „Чтеній“, таковой при немъ не оказалось.

Въ тѣхъ же „Чтеніяхъ М. О. И. и Д. Р.“ за слѣдующій 1874 г. (кн. I) помѣщена въ „Смѣси“ статья Ѳ. Н. Винницкаго „Разказы изъ былого времени“, и здѣсь между прочимъ (ст. III) разсказъ: „Дѣло о богатомъ помѣщикѣ Курской губ. Ѳеодорѣ Ширковѣ“. Тутъ разсказывается въ общихъ чертахъ исторія всей этой драмы, причемъ убійцей признается несомнѣнно Ширковъ, котораго авторъ характеризуетъ въ самыхъ темныхъ краскахъ, называя его „ужаснымъ дѣятелемъ“ и помѣщикомъ, отличавшимся „необыкновенной жестокостью въ обращеніи съ своими подданными“.

Разсказъ этотъ основанъ, судя по явнымъ ошибкамъ и фактическимъ невѣрностямъ²⁾, обнаружившимся изъ судебного слѣдствія, на смутныхъ

¹⁾ Безъ даты; оно, по имѣющимся даннымъ, относится къ 1820 г.

²⁾ Даже имя пострадавшей передается невѣрно Ольга, тогда какъ ее звали Маріей.

преданіяхъ и устной молвъ, исходящихъ притомъ видимо изъ противной, недоброжелательной къ Ширковымъ, стороны. Въ этомъ разсказѣ есть, правда, нѣсколько подробностей и чертъ, которыя, быть можетъ, имѣютъ подъ собою реальную почву, но въ общемъ тутъ видны и путаница въ изложеніи, и очевидная тенденціозность.

Приведенными сообщеніями еще не исчерпываются печатные матеріалы о дѣлѣ Ширкова. Въ 1876 г. вышла книга „Хроника недавней старины. Изъ Архива Князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго“, посвященная біографическимъ матеріаламъ о Юр. Алекс. Нелединскомъ-Мелецкомъ (статсъ-секретарѣ, сенаторѣ и почетномъ опекунѣ). Въ ней, въ Приложеніяхъ (IV), очевидно въ виду той дѣятельной роли, которую игралъ въ судебномъ процессѣ (въ Сенатѣ) Нелединскій-Мелецкій и по поводу одной выдержки изъ письма его объ этомъ дѣлѣ¹⁾, помѣщено въ сжатомъ извлеченіи все „Дѣло объ убійствѣ въ Курской губерніи въ Львовскомъ уѣздѣ дворянской дочери Маріи Алтуховой, въ чемъ обвиняется бывший тамошній помѣщикъ губернской секретарь Ширковъ“. Дѣло хранится въ архивѣ Правительствующаго Сената²⁾.

Таковы печатныя данныя объ этомъ любопытномъ процессѣ. Изъ нихъ явствуетъ, что, послѣ вторичнаго разбора въ Сенатѣ этого крайне запутаннаго дѣла, по ходатайству матери пострадавшей, Ѳ. Ширковъ, не взирая на значительное разногласіе сенаторовъ³⁾ и не безъ давленія со стороны Комитета Министровъ и министра юстиціи, былъ дѣйствительно осужденъ и сосланъ въ Сибирь на каторгу, а затѣмъ поселенъ въ Тобольскѣ, гдѣ и умеръ.

Однакожь истина въ этой кровавой драмѣ и вопросъ, былъ-ли Ширковъ дѣйствительно виновенъ въ убійствѣ, всетаки остались невыяснены. Извѣстно одно, что самъ Ширковъ до конца и на судѣ и на исповѣди, передъ Крестомъ

¹⁾ См. „Хроника недавней старины“ Спб. 1876, стр. 247—8. „У насъ въ Сенатѣ, пишетъ Н.-М., дѣло такое, которое до того меня занимаетъ, что во все время я ночи просиживалъ его читая; а оно на нѣсколько тысячи листахъ и до крайности запутано. Смертоубійство сдѣлано было назадъ тому 9 лѣтъ. По оному, за нѣсколько же лѣтъ 4 человека сосланы на каторгу; а нынѣ, по именному указу, было новое слѣдствіе, для котораго сосланные съ каторги привезены и изъ нихъ трое найдены невинными; а прямого преступника, во всей точности, еще услѣдить не можно. Если спросить по совѣсти, то каждый изъ насъ его укажетъ; но для законнаго осужденія сего недостаточно, и мѣра преступленія до сихъ поръ, по запутанности дѣла, неизвѣстна. Однако мы надѣемся, что Богъ поможетъ. Не можешь повѣрить, сколько это насъ занимаетъ. Я просыпаясь и засыпая все объ этомъ невольно думаю“. Самое дѣло тамъ-же, Приложение IV, стр. 378—393.

²⁾ Сенаторъ Нелединскій-Мелецкій, въ окончательномъ мнѣніи вмѣстѣ съ большинствомъ, высказался за то, что, въ виду отсутствія прямыхъ уликъ, „слѣдуетъ о причастности къ убійству его, Ширкова, предать суду Божью, оставя его по сему обстоятельству въ сильномъ подозрѣніи“, а наказаніе (ссылку на поселеніе) наложить за разные его противозаконные поступки.

³⁾ Оно составляетъ 8 томовъ; одинъ всеподданнѣйшій докладъ Сената по сему дѣлу писанъ на 525 листахъ.

и Евангелиемъ, не призналъ своего участія въ убійствѣ и что въ семьѣ Ширковыхъ, у его дѣтей и потомковъ, оставалось непоколебимымъ убѣжденіе, что ихъ отецъ и предокъ пострадалъ безвинно.

У Ѳ. Ширкова былъ сынъ Валеріанъ Ѳедоровичъ, который въ эпоху событія былъ 7-ми лѣтнимъ мальчикомъ и, какъ оказывается теперь, невольнымъ свидѣтелемъ одного изъ эпизодовъ драмы, служащаго, по его убѣжденію, доказательствомъ совершенной непричастности его отца къ убійству Марьи Алтуховой, о чемъ у него сохранялись, правда, дѣтскія, но вполне отчетливыя воспоминанія, заставившія его (на ряду съ завѣтами его отца) въ теченіе всей своей жизни добиваться пересмотра дѣла, каковой долженъ былъ, какъ онъ надѣялся, совсѣмъ облить невинно осужденнаго. Къ его великому горю, старанія эти не увѣнчались успѣхомъ.

Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ упомянутой случайно найденной въ семейномъ архивѣ потомковъ Ширкова рукописи: это стихотворное произведеніе его сына Валеріана Ѳедоровича, сообщенное намъ его правнукомъ по женской линіи В. Н. Полянскимъ, знавшимъ ранѣе объ этой исторіи лишь изъ семейныхъ преданій.

Стихотворная былъ В. Ѳ. Ширкова, и въ томъ не совсѣмъ полномъ видѣ, какъ она сохранилась, заслуживаетъ вниманія не только по существу и основной мысли своей, какъ попытка этимъ путемъ нравственно реабилитировать отца своего въ глазахъ потомства и общественнаго мнѣнія, что, надо признать, въ извѣстной мѣрѣ и удается ему, если принять въ соображеніе всю совокупность выясняющихся обстоятельствъ и показаній рядомъ съ непризнаніемъ до конца за собой вины самимъ Ширковымъ и съ убѣжденностью его близкихъ. Она несомнѣнно весьма интересна еще и въ литературномъ отношеніи, какъ произведеніе, въ общихъ и въ отдѣльныхъ (особенно нѣкоторыхъ) частяхъ своихъ, отличающееся крупными поэтическими достоинствами и проблесками несомнѣннаго таланта, а равно и въ своихъ бытовыхъ подробностяхъ и характеристикахъ (напр. истор. героя Кульнева), своимъ историко-бытовымъ характеромъ, не говоря объ автобіографическомъ ея значеніи. Объ авторѣ В. Ѳ Ширковѣ мы нашли нѣсколько біографическихъ данныхъ, благодаря его дружескимъ отношеніямъ и сотрудничеству съ нашимъ гениальнымъ композиторомъ М. И. Глинкой, для котораго онъ сочинялъ либретто къ оперѣ „Русланъ и Людмила“. Въ „Русской Старинѣ“ за 1872 г. (кн. 5, стр. 300) были напечатаны имѣющія большой автобіографическій интересъ письма М. И. Глинки къ его другу В. Ѳ. Ширкову (1840—41 г.г.). При этомъ редакція „Р. С.“ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о Ширковѣ, доставленныхъ ей его сыномъ В. В. Ширковымъ *). В. Ѳ. былъ почитателемъ, другомъ и сотрудникомъ Глинки, поручившаго ему составленіе либретто для его гениальной оперы, и отношенія къ нему композитора бросаютъ выгодный свѣтъ на нравственную личность этого человѣка.

*) Внуку его В. В. Ширковъ, бывъ въ послѣднюю войну уполномоченнымъ Краснаго Креста отъ общедворянской организаціи, палъ въ Мукденскомъ бою 25 Февраля 1904 г.

Полковникъ генер. штаба В. Ѳ. Ширковъ (род. 1805 г. ум. 11 Марта 1856 г.) былъ помѣщикомъ Харьковской губ., Волчанскаго уѣзда (с. Хатнея), гдѣ онъ, по выходѣ въ отставку, и провелъ нѣсколько лѣтъ. Туда и писалъ ему Глинка. Здѣсь онъ и работалъ для его безсмертной оперы.

Большой любитель литературы, въ душѣ поэтъ, В. Ѳ., по всему видно, охотно и легко набрасывалъ стихи, но былъ настолько скромнень, что никогда ихъ не печаталъ. Рядомъ съ науками и литературой, онъ увлекался и искусствами, не только музыкой, но и живописью; онъ самъ весьма педурно рисовалъ акварелью. Вообще все, что мы о немъ знаемъ, говоритъ о разностороннемъ образованіи, уметвенной отзывчивости и талантливости его.

Жена Ширкова, Александра Григорьевна, рожденная Хитрово, о которой часто упоминаетъ Глинка въ своихъ письмахъ, была хорошая музыкантка.

Нашъ славный композиторъ весьма уважалъ и цѣнилъ обоихъ супруговъ, съ которыми связанъ былъ узами тѣсной и искренней дружбы¹⁾. Вотъ слѣдовательно, каковъ былъ авторъ издаваемой рукописи.

Эта стихотворная бытовая повѣсть автобіографическаго характера состоитъ изъ 12 главъ (первая—безъ начала, послѣдняя безъ конца²⁾) и написана бѣлыми стихами, прекраснымъ образнымъ языкомъ. Въ ней, какъ сказано, много поэтическаго настроенія, яркихъ образовъ и картинъ, особенно въ описаніи дѣтства автора, дворянскаго быта, народныхъ повѣрій и историческихъ преданій, связанныхъ съ театромъ дѣйствія. Это самыя яркія мѣста повѣсти. Гораздо слабѣе въ литературномъ отношеніи тѣ мѣста, которыя относятся къ фактамъ самой драмы, ея перипетій и послѣдствій, и затѣмъ тѣхъ мѣръ, которыя принимались Ширковымъ для раскрытія истины и оправданія его отца. То, что не давало матеріала и почвы для поэтическаго подъема и для полѣта воображенія, вышло, конечно, болѣе сухо и прозаично. Но, какъ бы то ни было, произведеніе это настолько любопытно и въ него вложено столько художественнаго чутья, искренняго чувства и вдохновенія, а также знанія народнаго быта и горячаго патріотизма, что оно можетъ заинтересовать не только любителя нашей бытовой старины, но и всякаго литературно-образованнаго читателя.

К. Гротъ.

¹⁾ Любопытно, что, если вѣрить автору вышеупомянутаго разсказа о дѣлѣ Ширкова, г. Винницкому, по странной игрѣ случая, лицомъ, писавшимъ всеподданнѣйшую просьбу отъ имени матери убитой Алтуховой, и слѣдовательно принимавшимъ въ ней участіе и помогавшимъ ей возобновить дѣло противъ Ѳ. Ширкова, былъ не кто иной, какъ извѣстный писатель Ѳ. Н. Глинка.

²⁾ Впрочемъ, повидимому, не достааетъ и тутъ и тамъ очень малаго, быть можетъ, нѣсколькихъ стиховъ.

Г л а в а I-я.

Эта гора называется Лысой, оттуда
 Виды прелестны и стояли-бъ кисти искусной.
 Днем по тропинкѣ, идущей съ вершины до Сейма,
 Сходить за свѣжей водою изъ ближняго поля
 Пахарь усталый, порой молодая крестьянка
 Съ полнымъ кувшиномъ душистой лѣсной земляники,
 Или прохожій ко Льгову проселкомъ идущій.
 Но за горами лишь только день ясный погаснетъ
 И надъ рѣкою туманы, какъ блѣдныя тѣни,
 Въ бѣлыхъ покровахъ сберутся, а звѣзды заблещутъ
 Въ сводахъ лазури, и мѣсяцъ на темномъ востокѣ
 Краснымъ щитомъ зарумянитъ далекій край неба,
 Къ Лысой горѣ селянинъ подойти не рѣшится
 Ни за какія сокровища міра. И точно,
 Чтò за охота въ невѣрный часъ ночи увидѣтъ
 Черную галку, которая утромъ въ деревнѣ
 Старою бабой сидитъ у воротъ съ самопрялкой;
 Или медвѣдя, который въ лѣсу караулитъ
 Кладъ недоступный ни даже попу въ облаченьи!
 Противъ горы, черезъ Сеймъ, на широкой долинѣ
 Старая церковь видна; тамъ за нею селенье,
 А передъ садомъ домъ каменный съ черною крышей,
 Съ оранжереей, съ двумя флигелями и псарней;
 Старый сосѣдъ нашъ безъ ней бы на свѣтѣ не прожилъ.
 Вотъ перевозъ, вотъ подалѣ обрывы,
 А подъ обрывами въ чащѣ гремучій колодезь.
 Ночью, когда поселяне на память Купалы
 Бочки съ смолою зажгутъ, а мальчишки толпою
 Прыгаютъ черезъ вязанки горящей соломы,
 Бабы и дѣвки идутъ хороводомъ къ колодцу:
 Пѣснями Леля и Ладу и Дида возносятъ,
 Не понимая, кто Ладо, не зная, что Лелю
 Каждая служить конечно и вѣрой и правдой,
 Всѣ погружаютъ въ колодезь съ надеждой и страхомъ.
 Въ даръ—кто кольцо, кто монеты, кто мѣдныя серьги,
 Даже хлѣбъ, иль отъ свадьбы кусокъ каравая,
 Тайныя мысли ключу повѣряя съ мольбой.
 Чудный колодезь, дары поглащая, какъ прежде
 Чистъ и прозраченъ, какъ прежде кипитъ не смолкая.
 Много вѣковъ, можетъ, этотъ обычай ведется;
 Можетъ, тутъ нѣкогда идолу капище было.

Право въ колодцѣ не худо бы было порыться.
 Ближе къ селеню два лѣса; большая дорога
 Дѣлитъ ихъ накосъ; тотъ лѣсъ что на лѣво—Чернецкій.
 Слышалъ или гдѣ-то читалъ я, что старый игумень
 Здѣсь укрывался съ печальною братьей во время
 Буйства Ахмета, который баскакомъ отъ хана
 Властвовалъ въ Рыльскѣ, терзая всю Курскую область.

Тяжкое время то было! Тринадцать богатыхъ,
 Сильныхъ бояръ безъ суда и расправы погибло
 Смертью постыдной, безъ рукъ и безъ ногъ на деревьяхъ;
 Нивы, богатыя жатвой, и села пылали;
 А на кладбищахъ въ могилы одна за другою
 Тысячи жертвъ отъ меча и болѣзни сходили!
 Взглянемъ, мой путникъ, еще на зеркальныя воды:
 Это рѣка Теробовль. За другою плотиною
 Видны холмы и лѣса, тамъ начало потока;
 Русская Клію названья его не забыла:
 Въ юности лѣтопись нашихъ царей изучая,
 Вѣрно ты съ грустью читалъ о слѣпцѣ Теробовльскомъ,
 Чувствамъ его и святому терпѣнью дивяся;
 Можетъ быть, плакалъ, читая, какъ бѣдный Василько
 Гнусныхъ злодѣевъ молилъ, чтобъ кровавой одежды
 Съ тѣла его не снимали, желая предъ Богомъ
 Въ ней на послѣднемъ, великомъ судѣ показаться.
 Можетъ быть, княжескій теремъ его находился
 Тамъ, гдѣ теперь на террасахъ ты видишь
 Домъ окруженный садами. Отворимъ калитку...

Слѣдуй за мною... Вотъ здѣсь мнѣ родное кладбище:
 Мраморный памятникъ, кроющій прахъ моихъ дѣдовъ,
 Скоро развалится!.. Добрый мой путникъ! Ты вѣрно
 Не испыталъ, какъ ужасно родныя намъ кости
 Въ чуждыя руки навѣкъ передать и утратить
 Даже печальное право свободно молиться
 Надъ бѣднымъ, холоднымъ ихъ прахомъ. Вотъ церковь
 Съ кровлей согнившей, съ кривой колокольней. О, Боже!
 Такъ ли здѣсь было, когда, покидая впервые
 Домъ мой родимый, я въ церковь зашелъ помолиться!
 Думалъ ли я, беззаботный, счастливый младенецъ,
 Что, возвращаясь къ отцовскому крову, я буду
 Чуждый ему, какъ незванный пришлецъ съ того свѣта?
 Въ домѣ какое безмолвье! Обои клоками,
 Точно одежда на нищемъ, висятъ въ паутинѣ;
 Тлѣющій полъ подъ ногами трещить; а въ окошкахъ
 Стекла разбиты и вѣтеръ свободно гуляетъ

Тамъ, гдѣ намъ, дѣтямъ, бывало тепло и пріютно.
 Страшно, какъ будто живому въ гробницѣ!
 Хочется думать, что все это сонъ, и что чувства
 Страшной мечтой смущены, что мой взоръ отуманенъ,
 Что на призывъ мой по прежнему сестры сбѣгутся
 Рѣзвой толпою съ разспросомъ и лаской; за ними
 Добрая мать, и старушка Григорьевна, няня....
 Тщетно зову! Все мертво и безмолвно, какъ прежде,
 Только знакомый мнѣ воздухъ порою повѣетъ
 То на чело, то на влажныя очи, а эхо
 Взорить печально за мной безотвѣтные клики...

Г л а в а П.

There are more things, in heaven and earth, Horatio,
 Than are dreamt of in your philosophy.

Shakespeare.

Еслибъ на крыльяхъ могучей, торжественной бури
 Велѣдъ за мечтою могли мы, какъ прахъ, вознестися
 Къ сводамъ лазури, въ прозрачныя бездны ээира,
 Такъ далекò, чтобы наша родная планета,
 Намъ показалася новой небесной звѣздой,
 Въ хорѣ свѣтилъ, украшающихъ вѣчно небо:
 Вѣрно-бъ мы тотчасъ печальный нашъ шаръ угадали,
 Вѣрно лучи его блѣдны и ликъ отуманенъ!
 Въ грозную бурю, когда съ берегами воюетъ
 Мрачное море, вѣрно не онъ чрезъ пучины
 Къ пристани тихой пловцовъ бы направилъ, и что же?
 Наше изгнаніе, нашу темницу мы любимъ,
 Съ ними разстаться намъ жалко, какъ будто къ печали
 Душу намъ такъ же легко пріучить, какъ къ веселью.

Не оттого-ль, что несастье не вѣчно, что солнце
 Рано-ли, поздно-ли черныя тучи разгонить
 И улыбнется природа? Что смятыя розы
 Вновь издадутъ ароматы, расправя листочки,
 А возмущенныя воды, опять успокоясь,
 Въ лонѣ своемъ отразятъ безмятежное небо?...
 Не оттого-ли и мы, разлучаяся съ жизнью,
 Въ думахъ недолгій, но трудный нашъ вѣкъ пробѣгая,
 Можеть, невольно мечтаемъ: ахъ, только-бъ до завтра!
 Завтра бы бурямъ конецъ, и тамъ бы намъ радость,
 Вѣрная радость!—и плачемъ о долѣ печальной,
 Плачемъ о грустной землѣ, о тяжелой неволѣ,

Смотримъ въ тоскѣ на разбитыя цѣпи и мыслимъ:
 Эти оковы влачатъ и намъ близкіе сердцемъ,
 Эти желѣза порой украшались цвѣтами!

Есть на землѣ существа, благосклонныя смертнымъ,
 Съ нами повсюду онѣ отъ младенческой люльки
 И до послѣдней минуты предъ темной могилой.
 Въ радости, въ скорби, въ чужбинѣ, въ отеческомъ домѣ,—
 Всюду онѣ намъ отрада. Ихъ образъ прелестенъ,
 Очи ихъ полны любви; ихъ улыбка изгладитъ
 Въ памяти цѣлые годы страданій, а рѣчи
 Сердце наполнять надеждой того, кто надеждѣ
 Вѣрить давно пересталъ. О, счастливецъ—кто съ ними
 Душу сдружилъ! Кто въ холодномъ, суетномъ мірѣ
 Тайной бесѣдѣ ихъ можетъ внимать съ наслажденьемъ;
 Кто ихъ умѣлъ разгадать и увидѣть незримыхъ,
 Ибо инымъ эти чада Эдема незримы,
 Точно какъ Ангелъ Хранитель, хотъ онъ и надъ нами.
 Это не Пери роскошной долины Кашмира,
 Это не духи безъ плоти, но что-то родное,
 Близкое смертнымъ и смертное тоже; они-то
 Днемъ облегчаютъ намъ трудъ, и заботы, и горе,
 Ночью садятся съ любовью у нашего ложа,
 Тихою пѣснью веселые сны намъ наводятъ
 И въ утомленную грудь утѣшенье вливаютъ;
 Какъ же покинуть намъ ихъ, усладителей жизни,
 Безъ сожалѣнья!... Но горе тому, кто схоронитъ
 Ихъ до кончины своей! Для того опустѣетъ
 Самое небо—не только что міръ или сердце.

Радость знакомства съ подобнымъ созданьемъ узналъ я
 Съ самаго дѣтства: волшебница часто со мною
 Игры и слезы дѣлила, являясь младенцемъ;
 Вмѣстѣ росли мы, навѣтамъ страстей непокорныхъ
 Вмѣстѣ внимали и дружно въ мечтахъ заблуждались;
 Съ нею людей изучая, повѣрилъ я дружбѣ,
 Чистой любви, безкорыстью и чести, и даже
 Славѣ, которой ужъ мало кто вѣритъ!
 Эта чудная гостыя зовется здѣсь Грѣза.
 Грѣза украсила мнѣ эти горы и рощи,
 Очаровала долину и на все наложила
 Чудную прелесть, которую, добрый мой путникъ,
 Можетъ быть, ты-бъ не замѣтилъ... но сила которой
 Душу волнуетъ во мнѣ то весельемъ, то грустью,
 Слезы порой вызывая, порою улыбку.

Г л а в а III.

Voici un singulier cas de monomanie...
La gaz. de Fr. 4 avr. 1834.

Разъ я въ постели лежалъ, а Григорьевна-няня
У моего изголовья сидѣла и, съ лаской
Глядя меня и тихонько подушку качая,
Мнѣ говорила какую-то сказку; дремота
Сладко меня обнимала... Вдругъ матушка входитъ,
Няня привстала, а я поскорѣ зарылся
Носомъ въ подушку и слышу: „пора ему, няня,
Спать безъ качанья, безъ пѣсенъ и сказокъ; любимецъ
Твой не малютка, ужъ время ему и за книжку“.
Матушка вышла. Григорьевна тихо вздохнула,
Сѣла опять близъ меня и качая сказала:
— „Спи, мой малютка; сегодня тебя побалую;
Завтра спать будешь одинъ“. — Я расплакался горько.
— „Полно! не плачь мой голубчикъ, а завтра подъ вечеръ
Вмѣстѣ пойдемъ на Гремучій; вотъ тамъ-то цвѣточковъ,
Бабочекъ пестрыхъ и птичекъ поющихъ прекрасно!
Въ волю набѣгавшись, скоро уснемъ безъ качанья!“
Цѣлую ночь я однако не спалъ, въ ожиданьи
Видѣть Гремучій, какъ будто волшебный колодезь
Иначе долженъ играть и кипѣть и холодной струею
Жемчугъ метать по цвѣтамъ и травѣ изумрудной.

День былъ прекрасный; румяное солнце катилось,
Прямо къ Черницкому лѣсу лучи украшая,
Тѣни ложились длиннѣй, но туманы отъ Сейма
Не поднимались, и пѣсни работавшихъ въ полѣ
Не раздавались еще по дорогѣ къ селенью.
Весело съ няней пустился я въ путь и прыжками
Мигомъ сбѣжалъ до плотины, смѣясь угрозамъ
Доброй старушки, съ трудомъ поспѣвавшей за мною.
Влѣво отъ лѣса сошли мы на лугъ, гдѣ на скатѣ
Въ Троицынъ день собираются дѣвки и парни
Пѣснями лѣто встрѣчать и плясать въ хороводѣ,
Или качаться на длинныхъ качеляхъ, къ которымъ
Ночью не всякій пойдетъ! Въ деревнѣ извѣстно
Съ давней поры, что изъ Сейма подъ кровомъ тумановъ,
Точно какъ лебеди пара за парой выходятъ
Къ этому мѣсту русалки: раскинуть по плечамъ
Кудри и косы златя, какъ въ осени вѣтви
Гибкой плакучей березы, играютъ при свѣтѣ

Тихой луны и поютъ соловьями... И горе
 Бѣдному юношѣ, если онъ къ нимъ попадется!
 Силой возьмутъ на качели да крѣпко связавши,
 Такъ раскачаютъ высоко и страшно, что бѣдный
 Чуть не зацѣпитъ кафтаномъ за мѣсяцъ рогатый.
 А какъ начнутъ щекотать, такъ едва не до смерти;
 Къ утру жъ несчастный приходитъ какъ будто съ похмѣлья!
 — „Это не доброе мѣсто“, промолвила няня,
 Перекрестилась и мимо шаги ускорила.
 — „Вотъ и Гремучій! Ну бѣгай, голубчикъ, по травкѣ,
 Сестрамъ нарви незабудокъ, а мамѣ фіалокъ,
 Хоть ты не смыслишь, какъ этотъ цвѣточекъ присталь ей.
 Только смотри, осторожнѣй ходи близъ колодца:
 Дно его кажется, видишь, а дна не достанешь“.
 Няня усѣлась и, вынувъ чулокъ изъ кармана,
 Стала вязать, а я побѣжалъ подъ обрывы.
 Страшно взглянуть, какъ мѣстами окрѣпшая глина
 Выдалась сводомъ, грозя поминутнымъ паденьемъ;
 Кажется, что при малѣйшемъ давленіи сверху
 Весь этотъ кряжъ полетитъ и засыплетъ поляну;
 Тщетно однако же громы его потрясаютъ,
 Тщетно весенній потокъ подмываетъ подошву,
 Крѣпко стоитъ великанъ, неподвижною грудью
 Вихря и бури порывы встрѣчая. Когда-то
 Въ трещинѣ были ступеньки: инья покрылись
 Терномъ колючимъ, другія изгладились вовсе.
 Доступъ однако къ вершинѣ по этому слѣду
 Былъ бы возможенъ, хоть онъ не совсѣмъ безопасенъ,
 Еслибъ тропинка не шла близъ пещеры, въ которой
 Духи, бывало, богатые клады хранили.
 Кладовъ ужъ нѣтъ, но грозные стражи порою
 Давній пріютъ навѣщаютъ и ужасъ наводятъ
 На приходившихъ къ обрыву. Не вѣдая страха,
 Бросился я по тропинкѣ забытой, цѣпляясь
 То за траву, то за корни, и былъ ужъ высоко
 Прежде чѣмъ няня меня увидала.—„Ахти мнѣ!
 Съ нами будь крестная сила! Куда ты, несчастный?
 Слѣзь поскорѣ!“ Но я не сдавался, увидя
 Какъ бесполезны усилія старушки взобраться
 По крутизнѣ до ступенекъ въ срединѣ ущелья,
 Гдѣ съ торжествомъ я спокойно усѣлся, не внемля
 Ни обѣщаніямъ розги, ни ласковымъ просьбамъ.
 Видя однакожъ, что духи меня не уносятъ,
 Что до пещеры далеко, старушка смягчилась.

— „Ну посиди тамъ немножко, да только смиренненько; Къ верху не лазь, тамъ есть змѣи, пожалуй укусятъ“.

— „Что это, милая няня, все мѣсто изрыто, Точно могилки у насъ за селомъ на погостѣ?“

— „Рылись здѣсь, дитятко, люди, которымъ хотѣлось Болѣе злата, чѣмъ Богъ то за трудъ посылаетъ. Грушное дѣло пытатъ у земли, что намъ дѣды Самы оставить не вздумали. Такъ намъ бывало Добрый отецъ Михаилъ говорилъ, что у церкви Съ дѣдушкой вмѣстѣ лежитъ, да и бабушка тамъ же: То-то ужъ были друзьями! Однажды священникъ, На огородѣ своемъ парники вырывая, Мѣдную доску нашель, на которой въ порядкѣ Всякіе были расписаны клады; однако Доску онъ бросилъ въ огонь и расплавилъ; такъ вѣрно Клады не доброе дѣло! Но дѣдъ твой, читая Доску, упомянулъ одно иль два мѣста: досталъ онъ Черный кувшинъ, но съ пескомъ вмѣсто денегъ. Ужъ видно Кладъ не дался. На кувшинѣ была позолота Съ разной рѣзбкою; я помню какіе-то знаки Ключъ и подушка съ кистями, да сабля и надпись: „Да расточатся врази!“—ну словно въ молитвѣ. Только кувшинъ вынимая разбили, и саблю Съ шлемомъ, съ ключомъ и съ подушкой въ кусочкахъ собрали. Дѣдушка твой, какъ ребенокъ, чуть не заплакалъ, Тутъ же промолвивъ, что щить не къ добру изломался. А прежде, вотъ въ этой пещерѣ, покойный твой прадѣдъ Мѣднаго въ сбруѣ коня отыскалъ. Былъ онъ ростомъ Больше барана, а всадникъ въ рубашкѣ изъ колець; Острая шапка на немъ, а глаза-то косые, Точно на чайномъ моемъ погребцѣ у Китайца. Въ прошломъ году мужички отыскали котельчикъ; Было въ немъ много серебряныхъ денегъ, да только Не поживились бѣдняжки: исправникъ все отнял. Впрочемъ и дѣльно, а то бѣ, размѣнявши, проици“.

— „Милая няня! пойду я въ пещеру, быть можетъ, Тоже найду я лошадку, а можетъ кувшинчикъ“.

— „Что ты, голубчикъ! Останься! Куда ты?... Ой, горе!...“ Я между тѣмъ, какъ котенокъ цѣпляясь, добрался Къ темной пещерѣ и крикнулъ въ испугъ, увидя Передъ собою неожиданно малютку, въ одеждѣ Бѣлой, какъ снѣгъ, и съ вѣнкомъ на прекрасной головкѣ. Но ободрился, а дѣвочка, руку съ улыбкой Миѣ подавая, сказала: „не бойся, я Грѣза!“

— „Грёза? спросилъ я. Откуда-жь ты, милая Грёза?
 Чтѣ ты такое? Не кладь ли забытый въ пещерѣ?“
 — „Кладь? о, конечно, я кладь! я сокровище сердца;
 Лучше чѣмъ другъ, хоть и меньше чѣмъ Ангель-Хранитель,
 Лучше златыхъ сновидѣній, но меньше, чѣмъ Совѣсть“.
 Кажется мнѣ, что малютки не понялъ я сразу,
 Помню однако жъ невѣданный трепеть и радость,
 Радость, которой ни я и никто не опишетъ.
 За руки взявшись, мы тихо спустились къ колодцу.
 Въ страхѣ и горѣ тамъ бѣдная няня молилась
 О невозвратно погибшемъ питомцѣ; но снова
 Видя меня невредимымъ, съ восторгомъ и крикомъ
 Къ груди прижала меня и, лаская, журила:
 — „О, мой малютка, измучилъ ты старую няню;
 Страхъ позабывши, пыталась я взлѣзть до ущелья,
 Силы не стало, пещерные духи два раза
 Съ узкой тропинки меня подъ обрывы столкнули.
 Что-же съ тобой, мой голубчикъ! Здоровъ ли ты? Цѣлъ ли?“
 Я улыбнулся. „А что же ты, добрая няня,
 Миленькой Грёзы моей не обнимешь?“—„Какъ Грёзы?
 Чтѣ ты, голубчикъ, въ умѣ ли?... Господь будь съ тобою!“
 — „Милая няня, сегодня мнѣ сказокъ не надо:
 Ночью я буду бесѣдовать съ Грёзой. За что-жь ты
 Грёзу мою не ласкаешь?“—„О, бѣдный ребенокъ!
 Вѣрно головка болить у тебя!... успокойся:
 Дома тебя я умою святою водицей“.
 Такъ иногда и поэты считаютъ безумцемъ;
 Пусть онъ безумецъ—не всѣмъ же является Грёза!

Г л а в а IV.

Del cielo las estrellas
 Relumbrantes
 (Custillejo*).

Съ Запада черная туча неслась на Россію;
 Громы однакожь еще въ ней таились, и солнце
 Яркимъ лучомъ веселило пустынный нашъ Сѣверъ.
 Воздухъ висѣлъ надъ землей неподвижно, но каждый
 Страшную бурю невольно предчувствовалъ сердцемъ.
 Каждый съ тревогою ждалъ недалекаго горя.
 Смутные слухи носились въ народѣ о близкой
 И неизбежной борьбѣ съ властелиномъ полсвѣта;
 Самое небо явленемъ бѣды предвѣщало.

*) Сіяющія съ небесъ звѣзды. Кастиллею.

Съ няней однажды я вышелъ изъ дому, а Грѣза,
 Спутница всюду со мной неразлучная съ самой
 Первой минуты знакомства въ пещерѣ, съ крылечка,
 Точно какъ легкая птичка, споркнула и скоро
 Въ верхнемъ саду насъ у входа въ аллею догнала.
 Къ первой скамьѣ подойдя, мы усѣлись и молча
 Долго смотрѣли на пурпуръ и золото, въ которомъ
 Солнце роскошно тонуло, владычество неба
 Томной серебристой лунѣ и звѣздамъ уступая.
 — „Господи Боже! вдругъ вскрикнула няня, какое
 Чудо на небѣ! Звѣзда-не звѣзда и не мѣсяць;
 Видишь, голубчикъ, надъ лѣсомъ явленье? пойдѣмъ-ка,
 Время домой. Ну, иди же, да что ты болтаешь
 Вѣчно съ своей невидимкой? Ужъ эта мнѣ Грѣза!
 Съ роду родясь не слыхала такого я чуда!
 Будеть тебѣ, какъ провѣдаетъ матушка. Цѣлый
 День напролетъ, чуть урвется отъ книжекъ, все съ нею:
 Нѣту проказамъ конца, бѣготнѣ да бесѣдамъ!“
 — „Добрая, милая няня! Позволь на крылечкѣ
 Намъ посидѣть; мы ужъ бѣгать не будемъ! Ну право!
 Только посмотримъ на эту звѣзду, что надъ лѣсомъ;
 Маменька тоже придетъ, какъ узнаетъ, что въ небѣ
 Съ длиннымъ хвостомъ показалась звѣзда золотая“.
 — „Ладно, сиди-же, съ крылечка ни шагу. И впрямь мнѣ
 Барынѣ надо сказать. Да смотри, ты не очень
 Съ Грѣзой болтай, чтобы мнѣ не досталось старухѣ;
 Всѣ ужъ и то говорятъ, что тебя я балую.“
 Матушка тотчасъ пришла, а за нею и сестры;
 Долго смотрѣла она на звѣзду и сказала:
 „Это комета. За чаемъ я вамъ растолкую,
 Какъ эти звѣзды съ хвостами летаютъ и міру
 Зла не пророчать, какъ думаетъ няня: все благо
 То, что отъ вѣчнаго Бога нисходитъ.“ Съ сомнѣньемъ
 Няня моя головой покачала и вмѣстѣ
 Съ матушкой въ домъ возвратилась. Я съ Грѣзой остался.
 — „Вотъ мы одни, слава Богу! Слыхала ль ты, Грѣза,
 Что о кометахъ? О, какъ бы хотѣлось на небѣ
 Вмѣстѣ съ тобой побывать! Я спросилъ бы комету,
 Гдѣ она прежде летала и долго ль пробудетъ
 Надъ Теревольскимъ прудомъ и Макаровскимъ лѣсомъ?
 И почему этотъ огненный слѣдъ, что за нею,
 Въ нѣчи горящимъ звѣздамъ и лунѣ не дарованъ?
 И отчего она ужасъ невольный наводитъ,
 Звѣзды-жъ напротивъ привѣтливо людямъ?“

— „Многое въ чистомъ эфирѣ доступно намъ Грѣзамъ;
Я, какъ малютка, мало что знаю.

Слышала я, что съ рожденьемъ младенца и въ небѣ
Новая тотчасъ восходить звѣзда, или око
Сверху слѣдящее жизнь человѣка: иное
Радостнымъ свѣтомъ блеститъ, иное печально,
Тускло и блѣдно, смотря по назначенной долѣ.
Всѣ эти звѣзды, равно какъ комета, имѣютъ
Огнистый слѣдъ за собою, который въ эфирѣ
Воспламеняется вдругъ при паденьи свѣтила
Въ бездну пространства, когда, отрываясь отъ свода,
Миру звѣзда возвѣщаетъ, что кто-то отходитъ.
Слѣдъ за падучей звѣздой горящій есть слава.
Слава съ родни намъ немножко. Ужъ то-то богиня,
То-то красавица! Какъ она ласково смотритъ,
Точно какъ небо на спящихъ младенцевъ. Богата
Великодушна, щедра, хоть порой и спѣсива.“

— „Видно щедра она къ Грѣзамъ, а къ людямъ скупенька.
Неправда ль? видишь ли звѣздочка тамъ прокатилась
Слѣда ужъ нѣтъ!... а иной и не видѣлъ!... Ужели
Этотъ мгновенный и блѣдный даръ славы, о Грѣза,
Только по смерти дается въ удѣлъ человѣку?
Какъ же нашъ Петръ, о которомъ мы часто читаемъ,
Названъ гораздо до смерти Великимъ?“ — „А развѣ
Ты не замѣтилъ въ Плутархѣ твоемъ, что немногихъ
Слава при жизни за трудъ, за борьбу наградила?
Въ томъ-то и разность падучей звѣзды и кометы:
Звѣздочекъ много, кометы жъ являются рѣдко;
Есть и такія, что въ небѣ найти невозможно,
Такъ онѣ малы; а хвостъ черезъ цѣлое небо
Съ края до края широкимъ лучомъ пролегаетъ.“

— „Кто жъ этотъ новый Великій, котораго въ небѣ
Видимъ теперь мы звѣзду облеченную славой?
Развѣ она и ему возвѣщаетъ паденье?
Развѣ паденье его совершится въ Россіи?
То-то сегодня поутру я слышала, какъ Кульневъ
Батюшку звалъ на войну, говоря, что на домѣ
Будеть пятно, если онъ не пойдетъ, какъ другіе,
Голову въ битвѣ сложить за отчизну съ любовью;
Самъ же больной и метался, и плакалъ, и даже
Блѣдный ропталъ; а потомъ попросилъ свою саблю,
Поцѣловалъ ее крѣпко и батюшкѣ отдалъ.“

Г л а в а V.

Dos cortos alfanges.
(Romance morisco) *)

— „Что ты сегодня шептала мнѣ, Грѣза? Давно ужъ
Полночь минула и спать мнѣ хотѣлося очень;
Три раза слышалъ я крикъ пѣтуховъ, поминутно
Съ боку вертѣлся я на бокъ, а ты все болтала
Что-то о нашемъ гремучемъ колодецѣ, о гостѣ:
Кульневъ здоровъ; мы не даромъ ходили къ колодцу;
Съ батюшкой дней черезъ пять онъ собирается ѣхать...
Что же намъ дѣлать теперь на Гремучемъ?“— „А вотъ что:
Вытащимъ сабли мы ихъ потихоньку и къ ночи
Спрячемъ въ шиповникъ подъ первой террасой; а завтра
Сбѣгаемъ ихъ окунуть, чтобъ волшебной струею
Для предстоящей войны закалить ихъ покрѣпче;
Чтобы оружье Французовъ, объ нихъ ударяясь,
Въ прахъ разлеталось при первомъ размахѣ; а слава
Всюду слѣдила-бы нашихъ защитниковъ милыхъ!“

Сабли украдены. Утромъ, чуть солнышко встало,
Съ тайной добычей пошелъ я къ колодцу; тревожно
Билось сердце во мнѣ; приближаясь къ долину,
Шагъ замедлялся неволью, и еслибъ не Грѣза,
Я бы вернулся, такъ что-то мнѣ дѣлалось страшно!
Небо нахмурилось, крупными каплями дождикъ
Началъ дорожку рябить и стучать мнѣ по шляпѣ
Чаще и чаще; вдругъ съ шумомъ и вихремъ изъ тучи
Вырвался ливнемъ, съ обрыва помчались потоки,
Старые дубы въ корняхъ затрещали, кустарникъ
Стался какъ-будто трава; а Гремучій колодезь
Точно въ котлѣ закипѣлъ, выкидая высоко
Въ воздухъ и желтый песокъ и жемчужную пѣну.
Мокрый насквозь и смущенный нежданною бурей,
Робко я съ ношей спустился къ колодцу и сабли
Въ воду, дрожа, окунулъ по эфесы, а Грѣза
Стала напротивъ, смущенная тоже; но скоро
Вновь оживися, творить начали заклинанье:
„Ключь мой гремучій, кипучій, кипишь ты отъ вѣка,
Дно твое чисто, златисто; но взоръ чловѣка
Въ тайные своды, подъ воды къ тебѣ не проглянетъ,
Кладоу несмѣтныхъ, завѣтныхъ никто не достанетъ;

*) Два короткихъ меча.

Ихъ охраняеть, скрываетъ подъ кровомъ пучины,
 Между опаловъ, кристаловъ Духъ нашей долины;
 Онъ приношенья, моленья, незримый, приѣмлетъ,
 Сердца взываньямъ, желаньямъ привѣтливо внемлетъ...
 Ключъ мой гремучій, могучій! двѣ звонкія стали
 Мы передъ битвой, съ молитвой въ тебѣ окунали:
 Пусть съ ихъ размахомъ, со страхомъ злой врагъ исчезаетъ,
 Духъ же пучины дружины родныхъ охраняеть!“
 Какъ хороша была Грѣза надъ шумнымъ колодцемъ;
 Буря играла одеждой, а свѣтлыя кудри
 Лентами дождь разстилалъ по плечамъ и по груди,
 Взоръ ея былъ оживленъ и ланиты горѣли...
 Какъ хороша была Грѣза! любясь малюткой,
 Вовсе забылъ я и сабли, и бурю... Мгновенно,
 Съ трескомъ ужаснымъ надъ нами гроза разразилась,
 Лѣсъ застоналъ подъ раскатами грома, и близко
 Точно свѣча загорѣлась сухая осина.
 Вскрикнула Грѣза, вспорхнула и скрылася въ чащѣ;
 Вздогнулъ и я... и опомнясь, увидѣлъ... о ужась!
 Сабли исчезли... Гремучій кипѣлъ, разъяренный,
 Небо горѣло отъ молній, и черныя тучи
 Быстро неслися, чреватая новымъ потокомъ.
 Долго стоялъ я въ раздумьи надъ главной пучиной,
 Долго звалъ Грѣзу... ввела меня въ горе и скрылася!
 Что-жь теперь дома скажу я? Бѣда мнѣ и только!
 Сабли ничтò, да смѣяться-то будутъ; да няню
 Будутъ бранить за меня—для чего не смотрѣла.
 Надобно было признаться. Отецъ мой смѣялся,
 Выдралъ мнѣ ухо, а Кульневъ задумался что-то,
 Но отгоняя, какъ будто, мечту суевѣрья,
 Съ ласкою тихо сказалъ мнѣ: Утѣшься! и старымъ
 Часто случается сдѣлать не такъ, какъ хотѣлось.
 Я принимаю, сказалъ онъ потомъ, улыбаясь
 Надъ знаменитымъ колодцемъ твои заклинанья;
 Еслибъ, однакоже, Геній ключа, твой пріятель,
 Не захотѣлъ мнѣ счастливую долю назначить,
 Не хлопочи, не печалься!... Узнаешь съ годами,
 Что умереть за отечество сладко, что выше
 Нѣтъ на землѣ челоуѣку награды; узнаешь
 Славу!... Потомъ, положивъ мнѣ на голову руку,
 Съ чувствомъ прибавилъ: „Да будетъ тебѣ благосклонна
 Чистая, прочная слава!... А жаль мнѣ, признаться,
 Сабель, сказалъ онъ къ отцу моему обращаясь:
 Ту, что я отдалъ тебѣ, подарилъ мнѣ достойный

Мелиссино; а другая съ корнетскаго чина
Вѣрой и правдой служила мнѣ; славный былъ клинокъ!“

Дня черезъ три, распростившись съ сосѣдями, гость нашъ
Къ войску уѣхалъ. Мы, дѣти, не только привыкли
Къ грозному виду его, къ бородѣ его страшной,
Но полюбили его и въ слезахъ провожали.
Батюшка мой приготовилъся ѣхать, но что-то
Вдругъ передумалъ: коляска, и сѣдла, и вьюки
Скрылись. Я помню, какъ рады мы были; какъ странно
Намъ показалось, что матушка плачетъ, а няня,
Добрая къ самой послѣдней собакѣ, день цѣлый
Сидя за прялкой, ворчала и нашу сосѣдку
Часто бранила, особенно дочь ея, Машу.

Г л а в а VI.

Dexad los dulces regalos,
Y el blando lecho dexadle;
Socorred á vuestra patria,
Y librad á vuestros padres.

Romance morisco*)).

Вѣрно никто не слыхалъ, чтобъ Французы иль Нѣмцы
Землю отчизны своей называли святою,
Какъ называемъ мы Русь! Не грѣшно ли бѣ намъ было
Слышать: святой Виртембергъ или Баденъ; святая
Франція, гдѣ половина народа, съ привѣтомъ
Чуждое знамя встрѣчая, поетъ полководцу
Льстивые гимны за смерть своихъ братій, за горе
Въ села и грады внесенное грозной войною?
Нѣтъ, не таковъ нашъ народъ! Нѣтъ, не таковъ. Онъ Поляковъ
Встрѣтилъ предъ Троицкой Лаврой и вѣрнымъ Смоленскомъ,
Шведовъ на Сѣверѣ, а на полуднѣ Ногайцевъ!
Двѣсти лѣтъ позже, когда всѣ столицы Европы
Настежь предъ Наполеономъ врата отворяли,
И на престолахъ владыки дрожали, и царства
Падали иль возникали по волѣ счастливица,
А побѣжденный народъ лобызалъ свое иго,—
Только Россія, священная наша Россія
Кровью смывала слѣды нечестивыхъ пришельцевъ,

*) Оставьте сладкія удовольствія,
Оставьте мягкое ложе.
Придите на помощь вашей родинѣ,
Освободите вашихъ отцовъ.

Чистыя жертвы свершая, какъ въ храмѣ, въ который
Свора собакъ ворвалась-бы во время служенья,
И сожигала свой древній, свой царственный городъ
Великодушно, въ примѣръ всѣмъ великимъ народамъ,
Чтобы родимое злато, Москва, изъ горнила
Вышла святѣе и чище, покрытая Славой!

Общее, тяжкое чувство той грозной эпохи
Мы раздѣляли, не вѣдая бѣдствій народа,
Не понимая, зачѣмъ по дорогѣ отъ Курска
Столько семействъ изъ Москвы на Украину бѣжало.
Матушка тоже собиралась въ Харьковъ; отецъ мой
Рѣдко былъ дома, и старый учитель Бандини
Ей говорилъ: „Подождите! не долго Французамъ
Здѣсь воевать; солдатъ соберется довольно,
Чтобы Москву отстоять; а тамъ голодъ и стужа...
Войско надежно, народъ негодуеть; дворяне—
Кто только можетъ сидѣть на конѣ всѣ ужъ въ полѣ
Бьются съ врагами во славу свою и отчизны;
Нѣтъ никого, кто-бъ теперь не стыдился за печкой
Мирно сидѣть, какъ калѣка и баба, иль старецъ,
Кто предпочелъ бы нуждамъ и биваку роскошный
Дѣла пріютъ. О, отечество—дѣло святое,
Чуждое иго—позоръ; а земля подъ ногами
Стоны и вопли должна-бъ издавать, чтобъ подвинуть
Тѣхъ, кто отсталъ отъ священной дружины! Лѣтъ сорокъ
Слишкомъ прошло съ той поры, какъ съ родимымъ я Римомъ,
Съ Транстеверинимъ моимъ для Россіи разстался;
Такъ я привыкъ къ ней, и такъ полюбилъ я
Ваше великое, славное царство, что если-бъ
Слово мое не держало меня при малюткахъ
Вашихъ, при сынѣ, надеждѣ единственной вашей,
Съ радостью гордой сложилъ бы я старыя кости
И мою лысую голову въ честь и во славу Россіи!“
Матушка плакала... Смутно я понималъ намеки
Старца Бандини и матушки частыя слезы;
Такъ что, когда мой отецъ вдругъ явился предъ нами,
Глазъ не рѣшился поднять я, на встрѣчу
Не побѣжалъ, какъ бывало, съ привычною лаской.
— „Грустныя вѣсти, сказалъ онъ съ печалью во взорѣ:
Кульневъ убитъ!.. Близъ отцовскаго дома сражаясь,
Былъ онъ, какъ левъ еще страшный врагамъ и по смерти!“
— Воля Господня! въ слезахъ моя мать отвѣчала.
Миръ его праху!—Амен! прошепталъ Итальянецъ.
— „Боже, мой Боже, зачѣмъ я здѣсь медлилъ? Зачѣмъ я

Не заслонилъ его тамъ отъ удара собою,
 Не испытилъ его жизнью своей для отчизны?...
 Добрый Signor мой, я слышалъ, что вы говорили
 Бѣдной, печальной подругѣ моей. О! Вы правы;
 Негодование ваше понятно; о! слишкомъ
 Долго влачилъ я постыдное иго.... Довольно!...
 Завтра жъ я буду свободенъ для долга и чести!
 О! я борюся давно; непонятная сила
 Мнѣ отуманила голову, сердце сковала.
 Тщетно смущалъ меня образъ жены оскорбленной,
 Тщетно невинныя ласки дѣтей мнѣ являлись;
 Разумъ и воля склонялись предъ гибельной страстью.
 Кроткій мой ангель-жена, о прости мнѣ! въ послѣдній
 Разъ я увижу ее, о клянуся, въ послѣдній!
 Завтра все кончу и снова готовлюсь къ походу;
 Дня черезъ три я увижу Москву и, быть можетъ,
 Не опоздаю къ рѣшительной битвѣ! — „Не ѣзди!
 Вскрикнулъ я, вспомнивъ о нашемъ колодецѣ;
 Кульневъ убить: его саблю похитилъ Гремучій
 вмѣстѣ съ твоею, не ѣзди!“ Съ печальной улыбкой
 Обнялъ онъ матушку, подалъ учителю руку
 И, потрепавъ по щекамъ меня съ ласкою, вышелъ.

Г л а в а VII.

.... et dans le silence de la nuit nous entendimes
 distinctement leur conversation. que je n'ai pas oublié.

Paul et Virginie.

— „Спишь ли ты милый? спросилъ меня голосъ знакомый.
 — „Ахъ это ты моя Грѣза!... Скажи же, когда ты
 снова со мной?.. О, скучно мнѣ было! Ни игры,
 Ни по полямъ и по рощамъ прогулки, ни въ лодкѣ
 По Теробовлю катанье, ни новыя книги
 Лѣни и грусти прогнать не могли съ той минуты,
 Какъ отъ меня ты сокрылась, рѣзвушка драгая.
 Дни были мрачны, и сонъ мнѣ тяжелъ сталъ;
 Ложе, казалось мнѣ, сдѣлалось жестко и холодно.
 Съ горемъ бывало ищущи твои глазки во мракѣ,
 Съ тяжкимъ усиленіемъ жадный мой слухъ напрягаю,
 Шорохъ малѣйшій ловлю, и съ волненіемъ сердечнымъ
 Жду не дождуся: придешь ли ты вновь ко мнѣ, Грѣза
 Съ милою лаской и съ прежнею доброй улыбкой“....

— „Встань же! Григорьевна спитъ; проберемся тихонько
 Въ садъ или въ поле: здѣсь душно, а тамъ на террасахъ
 Вѣтъ межъ лилій и розъ вѣтерокъ ароматный,
 И беззаботно въ травѣ распѣваетъ кузнечикъ;
 А по далекой лазури небеснаго свода
 Мѣсяць плыветъ величаво и тихо, какъ лебедь,
 Средь безмятежныхъ зыбей усиленнаго моря“.
 Все было тихо; лишь изрѣдка сторожь, зѣвая,
 У кладовой по чугунной доскѣ заколотить,
 Крикнетъ встревоженный сычъ иль струя въ Теробовлѣ
 Съ тихимъ роптаньемъ разсыплетъ свой жемчугъ у берега.
 Мы обошли вокругъ дома. У матушки въ спальнѣ
 Передъ окнами теплилася тускло лампада;
 Руки скрестивъ на груди и поникнувъ главою,
 Матушка плакала..... Еслибъ я смѣлъ показаться,
 Я бы взошелъ къ ней и, можетъ быть, дѣтскою лаской
 Грусть ея сердца разсѣялъ!... Въ другомъ концѣ дома
 Виденъ былъ свѣтъ въ кабинетѣ; двѣ тѣни мелькнули
 Противъ окна, а потомъ показались въ залѣ.
 Съ Грѣзой стремглавъ побѣжалъ я къ деревьямъ у церкви,
 Сѣлъ за могилою дѣда и скоро увидѣлъ
 Тихо идущихъ отпа и сосѣдку дочку.
 — „Не убивайся тоской, говорилъ ей отецъ мой;
 Прежній женихъ тебя не отвергнетъ; вчера я
 Видѣлся съ нимъ: онъ приѣдетъ, а ты не упрямься;
 Чувство священнаго долга и мирная совѣсть
 Насъ подкрѣпятъ въ испытаньи обоихъ, и узы
 Страсти преступной не будутъ томить насъ; довольно
 Горестныхъ слезъ пролила черезъ насъ недостойныхъ
 Бѣдная мать моихъ дѣтокъ... О, полно же плакать;
 Кончимъ, пока Провидѣнїе намъ не отмстило!
 Ты еще можешь знать счастье и мать успокоить“.
 — „Мнѣ быть счастливой? Мнѣ мать успокоить? Развѣ
 Ты позабылъ, что ее успокоить лишь злато?
 Развѣ не мать заманила насъ въ сѣти обоихъ,
 Пользуясь страстью моею и твоимъ заблужденьемъ?
 Встрѣтитъ ли мать меня съ лаской печальной?
 Будетъ ли вмѣстѣ молиться съ несчастной, чтобъ ужась
 Вѣчной разлуки съ тобою снесла я съ терпѣньемъ?
 Мнѣ быть счастливой? Мнѣ думать о бракѣ безчестномъ!
 Купленный этотъ женихъ развѣ смоетъ позоръ мой?
 Развѣ мой маленькій свѣтъ не напомнитъ мнѣ злобно
 Этихъ свиданій съ тобой подъ защитою ночи?
 Правда, довольно страдать твоею бѣдной супругѣ.

Много у ней я похитила радостей, счастья!
 Я не увижусь съ тобой, но позволь же мнѣ плакать
 Вволю, пока я не выплачу сердца и жизни!
 Долго сидѣла она на церковномъ крылечкѣ,
 Глухо рыдая.... и вдругъ побѣжала къ калиткѣ,
 Быстро, какъ будто бояся погони, и скрылась.
 Стукъ экипажа раздался, и скоро замолкнулъ...
 Страшно было для всѣхъ пробужденіе въ домѣ!
 Кучеръ къ разсвѣту вернулся съ ужасною вѣстью,
 Что на дорогѣ несчастная гостя ночная,
 Вынувъ изъ дрожекъ отца пистолеть, застрѣлилась.

Г л а в а VIII.

Первое показаніе:

„Ночь была лунная“.

Второе показаніе:

„Ночь была мѣсячная“.

Подсудимый виновенъ: второе показаніе
 несогласно съ первымъ.

8-го Іюля 1825.

Мѣсяца два передъ тѣмъ черезъ наше селенъе
 Партію плѣнныхъ Французовъ вели на Украину.
 Помню (какъ-будто вчера это было) унылыхъ,
 Тощихъ солдатъ, въ щегольскихъ, но дырявыхъ мундирахъ.
 Помню, какъ старый одинъ гренадеръ чуть не съ плачемъ
 Намъ говорилъ о войнѣ Итальянской, о Нилѣ,
 О Бонапартѣ и добромъ и грозномъ; другіе
 Тутъ же бранили путемъ своего полководца
 И межъ собою едва не затѣяли драки:
 Графъ Поалье, Эллиотъ, Ростиваль... (офицеровъ
 Помню я даже и лица, и кажется могъ бы
 Нарисовать ихъ портреты).—Насилу задорныхъ
 Уговорили на миръ. Но и тѣ и другіе
 Видѣть равно не могли безъ досады и грусти
 Карикатуръ на Московскій походъ ихъ капрала:
 „Какъ мужики, поднося ему камень, съ поклономъ,
 Просятъ ихъ хлѣбца покушать на тощій желудокъ;
 Какъ Василиса подходитъ съ горящимъ полѣномъ на блюдѣ
 И говоритъ ему: вотъ тебѣ ключъ отъ Смоленска,
 А въ Бѣлокаменной больше,—смотри не ожгися!
 Какъ казаки Бонапарту подводятъ огромнаго рака,
 А впереди ихъ Платовъ говоритъ Басурману:
 Гей еси Царь-Государь, Корсиканецъ мѣдяный,

Къ нашей Москвѣ не подъѣдешь на клячѣ поганой;
 Вотъ тебѣ конь-парадѣръ изъ родимаго Дону,
 Твой же, съ сорокой, годится тебѣ для бульону.“
 Много ихъ было съ такими стихами и прозой,
 Произведеніями литературы народной;
 Всѣхъ я ихъ снялъ со стѣны, уступая моленьямъ
 Плѣнныхъ, которые съ радостнымъ крикомъ побѣды,
 Вынувъ картинки изъ рамокъ, сожгли передъ домомъ.
 Всѣ за минуту готовы драться, кричали
 Съ дѣтскою любовью: Vive l'Empereur et la France!

Дня черезъ два послѣ нихъ къ намъ пригнали Венгерцевъ.
 Всѣ говорили изрядно по русски; отецъ мой
 Нѣсколькихъ нанялъ; иными пополнилъ домашній
 Хоръ музыкантовъ; одинъ былъ берейторъ, а двое
 (Помню ихъ имя: одинъ Колонской, другой Бодо)
 Ѣздили съ нимъ на охоту, а болѣе праздно
 Жили въ селенѣ, или гостили въ Глушковой
 У однодворцевъ и часто кабакъ навѣщали.
 Бодо особенно помню: курчавый и смуглый,
 Средняго роста съ широкой спиною, картежникъ,
 Фокусникъ, ловкій плясунъ на канатѣ и знахарь.
 Люди его не любили, но кланялись плуту
 И укрывали проказы его, изъ боязни,
 Чтобы онъ чѣмъ не *испортилъ*, да такъ, что Бандини
 Цѣлой аптекой своей бѣды-бѣ не поправилъ.
 Правда, что противъ его наговоры лѣкарство
 Вѣрное было; да кто бы рѣшился въ Гремучемъ
 Въ самую полночь Иванова дня, безъ молитвы
 Три раза горстью воды зачерпнуть и умыться?

Бодо влюбился въ сосѣдку дочку. Не знаемъ,
 Видѣлся-ль тайно онъ съ нею и ей говорилъ-ли,
 Только съ людьми прекратилъ онъ обычные толки
 О своей страсти звѣриной; но часто, заливши
 Лишнюю чарку за галстухъ, кричалъ, что обиды
 Не забывалъ онъ во вѣкъ, не прощалъ ея брату,
 Даже родному отцу своему... и однажды,
 Злобно ударивъ своимъ кистенемъ неразлучнымъ
 По отсутствующимъ стаканамъ и штофамъ, воскликнулъ:
 „Вспомнить Мадьяра сосѣдка, и баринъ, и всѣ вы!“

Въ страшную ночь, незабвенную нашему дому,
 Въ ночь, отъ которой бѣда безконечною цѣпью
 Насъ окружила на долгіе, долгіе годы,
 Бодо, иля отъ Глушковой съ хмѣльными друзьями,
 Встрѣтилъ несчастную Марью... станцилъ ее съ дрожекъ....

Непостижимая воля небесъ попустила
 Страшному дѣлу свершиться! Подробности гнусны..
 Нѣтъ, не достанетъ ни духу, ни словъ для разсказа!
 Мертвой изрѣзали ротъ и всадили бумажку
 вмѣсто патрона, какъ будто она застрѣлилась...

Бѣдный отецъ мой преслѣдовалъ дѣло усердно.
 Кучеръ былъ схваченъ, а съ нимъ и сосѣдкинъ крестьянинъ,
 Оба въ судѣ, замѣшавши другъ друга, въ отвѣтахъ
 Изобличались; но Льговскія власти, враждя
 Противъ отца моего, согласились Венгерцу,
 Какъ отсталому отъ партій размѣненныхъ плѣнныхъ,
 Выдать паспортъ за границу... и спутавши дѣло,
 Арестовали отца, какъ ночного убійцу.
 Семь съ половиною лѣтъ протомился несчастный,
 Но одолѣлъ, и семейство вновь обнялъ, свободный.
 Боже, прости мнѣ! не лучше ли бѣ было тогда же
 Въ лоно Твое отозвать пострадавшаго даромъ?
 Годъ не прошелъ, какъ невинный былъ снова задержанъ.
 Судъ обвинялъ его въ томъ, что въ порывѣ ревнивомъ
 Въ жертву своимъ подозрѣнъямъ принесъ онъ Марію,
 Что съ камердинеромъ вмѣстѣ несчастную вывелъ изъ дому
 Чуть, чуть живую, взвалилъ за калиткой на дрожки
 И приказалъ ее сбросить на Курской дорогѣ.
 Долгимъ процессомъ все дѣло пришло къ двумъ вопросамъ:
 Гдѣ совершилось убійство? Когда на дорогѣ, то Бѣдо
 Съ тою компаньей виновенъ. А въ домѣ—отецъ мой.
 Тщетно послѣдній доказывалъ ясно, что крови
 Въ домѣ его не нашли, ни въ саду, ни у церкви,
 Ни на дорогѣ до мѣста, гдѣ знаки убійства
 Съ слѣдствіемъ первымъ согласны къ его оправданью;
 Что проходившіе люди той ночью явились
 Въ судъ и сказали, что видѣли дочку сосѣдки
 Въ добромъ здоровьи на дрожкахъ, въ верстѣ ужъ отъ дому,
 И что на бѣломъ сафьянѣ тѣхъ дрожекъ ни капли
 Крови не найдено... Все было тщетно!—
 Новыхъ пять лѣтъ онъ провелъ въ заточеньи; затворы
 Спали съ дверей каземата, увы! для Нерчинска!..
 Какъ онъ погибъ, когда право его вопіяло на небо,
 Знаетъ лишь Богъ, почему и зачѣмъ! Моя Муза,
 О, мой читатель, ни гнусныхъ клеветъ, ни подлоговъ,
 Ни незаконныхъ писаній уѣздной Ѧемиды
 И не пойметъ, и тебѣ разсказать не сумѣетъ.

Г л а в а IX.

Oh, ma patrie!... pourquoi m'as tu proscrit?...
 Mais j'y triompherai!.. s'écria-t-il en jetant
 Ce mot avec un accent de conviction...

Balzac (Les Proscrits).

Въ дѣтствѣ, гуляя однажды съ моимъ гувернеромъ
 По Царско-сельской дорогѣ, близъ средней рогатки,
 Въ первый разъ въ жизни увидѣлъ я партію ссыльныхъ.
 Спутникъ мой подаль имъ нѣсколько денегъ; я тоже
 Къ нимъ подошелъ и замѣтилъ на сѣрыхъ ихъ курткахъ
 Черныя вставки; значенье мнѣ ихъ объяснили:
 На поселенцахъ одна, а на каторжныхъ по двѣ.
 Помню, что эти двойныя заплатки на долго,
 Точно недобрыя очи, смутили мнѣ душу.
 Боже, мой! Могъ ли я думать, что я ихъ увижу
 Лѣтъ черезъ десять, на этой же самой дорогѣ,
 У этой же средней рогатки,—и между злодѣевъ,
 Боже, на бѣдномъ отцѣ, осужденномъ невинно!
 Да, осужденномъ невинно!... я знаю, что въ небѣ
 Слышенъ мой вопль. Безъ страха смотрю и взываю
 На это вѣчное небо, и смѣло трикраты,
 — Тысячакраты кричу: онъ *невиненъ!*—И что же?
 Я его видѣлъ не въ страшномъ бреду, а глазами,
 И на яву, при свѣтѣ дневномъ, и при людяхъ,
 Подъ тѣмъ же небомъ, не скрытомъ туманомъ, ни бурей,
 Но безгранично-глубоко отверстомъ до ока
 Самаго Бога.... Я видѣлъ его въ сѣрой курткѣ
 Съ черной двойною заплатой, на сворѣ желѣзной!
 Видѣлъ его, дворянина достойнаго рода,
 Имя котораго нѣкогда бранная Слава
 Произносила съ любовью межъ дебрей Литовскихъ,
 Въ общей чредѣ самыхъ гнусныхъ и низкихъ мерзавцевъ!
 Бѣдные дѣды, которыхъ самъ Грозный съ престола
 Царскимъ привѣтомъ почтилъ и грамотнымъ свиткомъ
 Даль вамъ за службу всѣ земли отъ Свапы до Рыльска
 И ваше имя поставилъ на вѣси Средивной
 Въ память потомкамъ далекимъ.... О, бѣдные дѣды,
 Вы негодуете, прахъ вашъ встревоженъ въ могилахъ.
 Нѣтъ! не встревоженъ, несчастный вашъ правнукъ невиненъ;
 Иначе какъ-бы онъ вынесъ и срамъ осужденья,
 И эти тысячи глазъ, на него обращенныхъ
 На его скорбномъ пути отъ Невы до Рогатки?

— „Не унывай, говорилъ мнѣ, прощаясь, отецъ мой;
 Свѣтъ тебя ждетъ, предо мною Нерчинскія шахты.
 Съ гордо поднятой главою ты явишься въ свѣтъ,
 Не оставляю тебѣ ни наслѣдія дѣдовъ,
 Ни покровителей сильныхъ, ни друга, ни имя;
 Но осѣняю тебя моею цѣпью тяжелой:
 Благословеніе мое надъ тобой!... но съ условьемъ
 Службой и кровью опять завоюю мое право.
 Выслужи судъ надо мною, а я оправдаюсь.
 Но не вымаливай мнѣ облегченія долю,
 Или пощады, равно не смывающей пятенъ:
 Милости ищетъ преступникъ. Завѣтъ мой
 Съ благословеніемъ моимъ неразлученъ храни ихъ!
 Ссылные сняли свои колпаки и молились,
 Даже иные заплакали... можетъ впервые,
 А проходившіе шляпы снимали... Конечно
 Сердцемъ они разгадали, что то не преступникъ.

Я возвращался домой; на пути мнѣ явилась
 Вѣрная въ радости Грѣза, тѣмъ болѣе въ горѣ.
 — „Знаешь ли Грѣза, какое свершилося дѣло?
 Какъ же земля не дрожить, чтобъ страхнуть недостойныхъ?
 Какъ же не хмурится небо грозою отмщенія?
 Видишь ли, солнце какъ прежде красуется блескомъ.
 Благоухаютъ цвѣты, а съ деревьевъ прохладу
 Вѣтеръ несетъ на уста и неправымъ и правымъ;
 Чтò нужды солнцу, цвѣтамъ и прохладѣ душистой
 „Или лазурному небу, что гибнетъ безчестно невинный“!
 — „Вижу, мой милый, на сводѣ безоблачномъ солнце,
 Радуюсь ясности неба, какъ вѣсти счастливой.
 Хмурится ль небо на чистыхъ дѣтей и невинныхъ?
 Вспомни, что міра Спаситель былъ цѣлымъ народомъ
 Преданъ суду, поруганью и казни позорной.
 Ропотъ и слезы возможны: Спаситель, взирая
 На неподвижное небо, взывалъ истомленный,
 „Вскую меня ты оставилъ!“ а небо молчало.
 Развѣ въ то время у кесарей вѣчнаго Рима
 Не было вовсе судовъ и законы дремали?
 Развѣ у жителей Града Святого не стало
 Ни одного человѣка съ душой благородной?
 Развѣ въ то время и вѣчная благодать устала
 Миловать избранныхъ и сберечь угнетенныхъ?
 Правда была и въ дворцѣ, и въ судѣ, и на небѣ:
 Богъ попустилъ совершиться позору надъ Сыномъ,
 Чтобы прославился праведный, чистый на вѣки;

Такъ и на нашей землѣ возникаетъ неправда
На торжество и на славу закона и правды“!

Г л а в а X.

Courage!... marche!..

Balzac (Peau de chagrin)

Усталъ я!

Жуковскій (Громобой).

Вѣря внушеніямъ Грёзы, я началъ трудиться.
Много годовъ съ той поры пролетѣло и нынѣ
Безъ самохвальства могу написать, что въ наукахъ
Я обогналъ далеко моихъ сверстниковъ въ школѣ,
Что Бетанкуръ¹⁾ мнѣ говорилъ всегда по испански:
„Querido hijo“²⁾; а эта награда цѣнилася очень,
Равняясь почти эполетамъ. Онъ умеръ.
Постъ его занялъ другой—незабвенный начальникъ;
Скоро и этотъ меня удостоилъ замѣтить,
Часто ко мнѣ обращаясь съ вопросомъ и лаской
И поощряя отрадною рѣчью: „Трудитесь;
Надо вамъ много трудиться! Надѣюсь, отецъ вашъ
Небезвозвратно погибъ, положитесь на Бога!“
Разъ у него на дежурствѣ я былъ въ Эрмитажѣ,
Онъ былъ особенно веселъ и ласковъ, и снова
Мнѣ говорилъ объ отцѣ. Я давно приготовилъ
Просьбу о новомъ судѣ надъ несчастнымъ и подалъ.
О, какъ мучительно пламенно ждалъ я отвѣта!
О, какъ я часто леталъ съ моею Грёзою мечтами
Въ дальній Нерчинскъ, представляя себѣ, какъ отецъ мой,
Выслушавъ вѣсти о новомъ судѣ съ оживленьемъ,
Сердцемъ ко мнѣ обратитъ свои мысли съ любовью!
Грёза меня обманула невольно... Отецъ мой,
Такъ писалъ изъ Тобольска: „Предъ Богомъ
И предъ людьми прославляю я Царскую милость;
Ты жъ недостойно презрѣлъ мой завѣтъ непреложный“.
Я побѣжалъ въ Эрмитажъ: мой высокій начальникъ
Тихо сказалъ: „Несчастье!—судъ невозможенъ;
Но не теряйте надежды; примите совѣтъ мой:
Прежнее поприще ваше вамъ надо оставить,
Будетъ война: попытайтесь счастья въ полѣ“.

¹⁾ Извѣстный инженеръ-испанецъ, генералъ Русской службы, впоследствии главный директоръ Путей сообщенія и писатель, ум. въ 1824 г.

²⁾ Произноси: Керідо ихо: fils chéri.

А между тѣмъ мой отецъ пересталъ и писать мнѣ.
 У Жомини я работалъ полъ года, готовясь
 Къ близкой войнѣ; наконецъ получилъ приказанье
 Строить мосты на Днѣпрѣ и на Прутѣ. Годъ цѣлый
 Мимо меня проходили счастливыя къ Дунаю;
 Тщетно я рвался за ними... А время летѣло,
 И наше войско грозило уже Истамбулу,
 Скоро и миръ былъ подписанъ;—надежда пропала!
 Сдавшись однако опять на совѣтъ моея Грѣзы,
 Я полетѣлъ на Кавказъ, а оттуда на Вислу,
 Звалъ непреклонную славу и рвался въ сраженье.
 Я убѣжденъ былъ, что грозная смерть не посмѣетъ
 Остановить на пути меня къ цѣли священной;
 Я былъ глубоко увѣренъ, что славы призванье
 Съ дѣтства не даромъ меня волновало; я помню,
 Какъ я ребенкомъ, послушавъ проказницу Грѣзу,
 Передъ мишенью на борзомъ шалохѣ промчался
 Сквозь просвистѣвшія ядра; вся рота невольно
 Вскрикнула, думая, можетъ, что конь мой взбѣсился
 За удалство мнѣ готовилъ Бандини жаруху
 И удивился, что Воиновъ плакалъ въ восторгѣ,
 Мнѣ предрекая великое имя... *Насмѣшка!*
 Мало ли что мнѣ внушала безумная Грѣза!
 Мало ли гдѣ мы носились и что испытали,
 Вѣря упорно надеждѣ всегда вѣроломной!
 Видимо рокъ не хотѣлъ пособить намъ ни разу.
 Бѣдный! убитый отецъ мой! прости мнѣ: усталъ я!

Г л а в а XI.

Maintenant, morne et taciturne
 Loin de mes rêves étouffants,
 Je suis triste, comme Saturne,
 Qui vient d'immoler ses enfants.

(à *Sophie*).

— „Грѣза, о, что съ тобой сдѣлалось, Грѣза? Давно-ли
 Женныя очи твои упованьемъ горѣли,
 Грудь воздымалася гордо при мысли о лаврахъ?
 О, моя Грѣза! Давно ли ты мнѣ говорила
 Съ жаркой любовью о грозной Россіи, о счастья
 Жить и трудиться для славы ея и величья,
 О наслажденіи встрѣтиться съ смертію въ битвѣ,
 За ея право, за честь и за знамя святое?
 Если я бодрость терялъ въ неудачахъ, не ты ли

Сердце мое оживляла опять, предрекая
 Рано или поздно отцу моему возвращенье,
 Честь и свободу и радость семейства объятий?
 Если я плакалъ о другѣ погибшемъ, не ты ли
 Мнѣ говорила о небѣ, о жизни за гробомъ,
 О несомнѣнной съ нимъ встрѣчѣ въ странѣ упоеній?
 Грѣза! Когда вдохновенье ко мнѣ прилетало
 И въ безмятежную полночь, бросая печальное ложе.
 Я зажигалъ мою лампу, чтобъ вмѣстѣ съ тобою
 Встрѣтить небесную гостью, волшебницу Музу,
 Слушать ее и записывать звучныя рѣчи...
 Утромъ же рвалъ мои бѣдныя стансы! Не ты-ли
 Снова небесный огонь возжигая, съ улыбкой
 Мнѣ подавала опять и перо и бумагу,
 И утѣшала меня, и на голову клала
 Свѣжій вѣнокъ мнѣ, сплетенный потомствомъ далекимъ,
 И убѣждала любить мою Музу—для Музы?
 Грѣза! когда я бродилъ между юртъ Самоѣдовъ,
 Или на Вислѣ съ святою любовью къ отчизнѣ
 Чистую кровь проливалъ; или въ Азій знойной
 Падать предъ душнымъ Самумомъ почти безъ дыханья,
 Или боролся въ степи съ Бедуиномъ Атрека;
 Или носился подъ черными ризами бури
 По разъяреннымъ волнамъ у враждебнаго берега,
 И выносилъ, утомленный, мой трудъ, мое дѣло,
 Какъ Камозансъ свои пѣсни безсмертной Лузьяды,
 И убѣждался, что цѣль моей жизни все такъ же
 Мнѣ недоступна, что трудъ мой тяжелый нисколько
 Срока изгнанья отцу моему не убавилъ,
 Не облегчилъ ни единымъ звеномъ его цѣпи...
 Грѣза! Не ты-ль пробуждала во мнѣ упованье,
 Что неудачи не вѣчны, что къ цѣли священной
 Надо съ терпѣньемъ идти, не считая препятствій,
 Что недоступное нынче, достигнется завтра?
 Грѣза! о, гдѣ жъ эти сладкія рѣчи? Зачѣмъ ты
 Не утѣшаешь меня, не ласкаешь, какъ прежде?
 Развѣ не видишь, что міръ безъ тебя мнѣ пустѣетъ,
 Жизнь свои свѣтлыя чары теряетъ, и небо,
 Самое небо, къ которому вмѣстѣ съ тобою
 Чистой мечтою мы въ смутные дни уносились,
 Мнѣ затворяетъ отрадный Эдемъ свой на вѣки!...
 Развѣ я не былъ послушенъ тебѣ, какъ ребенокъ?
 Развѣ совѣтамъ твоимъ не внималъ я съ любовью?
 Развѣ я медлилъ когда, несмотря на опасность,

Броситься въ волны, иль въ домъ, раскаленный пожаромъ
 Жертву спасать, чтобъ тебѣ угодить, моя Грёза!
 Что же мнѣ дѣлать, скажи, чтобы вновь тебя видѣть
 Милой, безпечной, восторженной, рѣзвой, какъ прежде“?
 Долго молчала унылая Грёза, и долго
 Взоръ ея былъ устремленъ неподвижно на Западъ.
 Солнце садилось, багрянилось свѣтлое небо;
 Тонкій, златистый туманъ подымался съ долины,
 Разнообразныя, чудныя формы рисуя,
 Которыя, точно видѣнья, скользили предъ нами
 И исчезали, смѣняясь другими по волѣ
 Легкаго вѣтра, пока не угасла заря и послѣдній
 Отблескъ ея по краямъ облаковъ блоснѣжныхъ.
 — „Бѣдный мой другъ! отвѣчала съ тоскою мнѣ Грёза;
 О, никогда человѣкъ не любилъ своей Грёзы
 Такъ постоянно, какъ ты, такъ безотчетно и страстно!
 Вѣрно и Грёза еще никого не ласкала съ такою
 Нѣжной любовью, какъ я тебя, другъ мой печальный!
 Съ дѣтства съ тобою я была неразлучна, повсюду
 Лаской тебя окружала, въ болѣзни молитвой
 Ангеловъ съ неба звала къ твоему изголовью,
 Ночью веселые сны приводила, а въ школѣ
 Сквозь интегралы Лаше проникала украдкой,
 Чтобъ позабавить тебя, иль разсѣять. Когда же,
 Юноша гордый, впервые ты мечъ препоясалъ,
 Цѣлый я мѣръ предъ очами твоими раскрыла,
 Все предъ тобою пути золотыми коврами
 Къ храму безсмертья услала, и бодро съ тобою
 Къ славы и пользы пошла, украшая цвѣтами
 Каждый твой шагъ и твой трудъ на распутіи свѣта.
 Страсти въ тебѣ очищала огнемъ я небеснымъ,
 Дружбу я дѣлала долгомъ священнымъ, высокимъ,
 Жажду любви напояла амброзіей неба
 И расточала для ней мои лучшія чары.
 Бѣдное имя твое я мечтала прославить,
 Не изъ тщеславья, о нѣтъ, мой печальный товарищъ,
 Но для того, чтобы щить твоихъ дѣдовъ ты снова
 Съ гордостью могъ водрузить на ихъ склепѣ забытомъ
 Безъ незаслуженныхъ пятенъ, которыхъ съ тобою
 Смыть не сумѣли мы въ цѣлые годы ни кровью,
 Ни благороднымъ трудомъ, ни наукой тяжелой,
 Ни твоей Музы святыми слезами! И нынѣ
 Я-бъ ободрила тебя и сама бы воскресла
 Къ новымъ попыткамъ на поприщѣ блага и славы

(Ибо мы жизни впередъ еще много не знаемъ);
 Но ты калѣка, а Грѣза лѣчить не умѣетъ!
 Я бы хотѣла украсить хоть тихій твой уголь,
 Жить близъ тебя и бесѣдою тайной съ душою
 Новый создать тебѣ миръ и укрыть отъ печалей,
 И заслонить отъ тебя неудачи въ минувшемъ,
 И бесполезность заботъ, и нищету упованій...
 Но я бессильна бороться съ могучей судьбою:
 Въ книгахъ ея мнѣ назначено съ жизнью разстаться
 Прежде тебя, о мой другъ неизмѣнный! И скоро,
 Скоро я брошу тебя одного, мой сиротка!“
 Грѣза рыдала... Я тоже расплакался горько.

Г л а в а XII.

Mon âme retombe à la terre:
 Tout n'est qu'erreur, isolement.

(à Sophie).

Нѣсколько дней еще бѣдная Грѣза томилась,
 Видимо тая; прекрасныя очи померкли,
 Воображенъе остыло, и прежнія чувства,
 Прежніе сердца порывы въ груди не рождались.
 Нѣсколько разъ мнѣ пыталась она о надеждѣ
 Что-то сказать, о жизни моей одинокой,
 И не могла, моя бѣдная Грѣза! Мечтанья
 Были безъ крыльевъ, и пламень небесный, питавшій
 Краткую жизнь ея близъ человѣка, ужъ гаснулъ.
 — „Грѣза! Вскричалъ я въ отчаяннѣ, въ страхѣ; ужели
 Ты оставлешь меня? О, куда мнѣ дѣваться?
 Не говори мнѣ о свѣтлыхъ надеждахъ, о жизни;
 Жизнь невозможна тому, кто знавалъ твои чары;
 Дай мнѣ глядѣть на тебя, наглядѣться на долго,
 Все мое сердце и очи тобою наполнить,
 Чтобы вездѣ тебя видѣть, какъ прежде, повсюду
 Образъ твой милый носить, какъ святыню съ собою!
 Помнишь ли, Грѣза, какъ въ битвѣ жестокой однажды
 Ты меня бросила въ полѣ съ тоскою о славѣ,
 Не прилетѣвшей съ вѣнками ко мнѣ, какъ мечталъ я?
 О, какъ я много страдалъ безъ тебя, моя радость!
 О, какъ хотѣлось тогда умереть мнѣ! Напрасно
 Думалъ я сердцемъ о долгѣ къ отчизнѣ, къ семейству:
 Долгъ не украшенный Грѣзой смотрѣлъ непривѣтно;
 Лѣнь оковала мнѣ руки, какъ цѣпью... и вѣрно

Я заболѣлъ отъ тоски по тебѣ еще болѣ,
 Чѣмъ отъ томительной рапы. И вдругъ мнѣ неожиданно
 Ночью послышался шумъ твоей легкой одежды.
 Слушаю сердцемъ и ухомъ... и ухо и сердце
 Вѣрить не смѣютъ... но такъ: это ты предо мною,
 Рѣзвая, милая, добрая, съ лаской во взорѣ.
 Я твои руки схватилъ, я глядѣлъ тебѣ въ очи,
 О, какъ блистали они! О, какъ видно въ нихъ было
 Великодушное чувство, желанье утѣшить..
 Грѣза! съ тѣхъ поръ я подумалъ, что горькой разлуки
 Мнѣ ужъ не вѣдать, что чистый союзъ нашъ
 Крѣпокъ до самаго гроба, который (мечталъ я)
 Ты мнѣ усыплешь цвѣтами надзвѣднаго рая!...
 Но ты не слушаешь, бѣдная, милая Грѣза?...."
 — „Нѣтъ, я внимала тебѣ и съ тоской и съ любовью,
 Въ памяти всю мою жизнь пробѣгая съ тобою.
 О, какъ хотѣлось бы мнѣ поглядѣть на Гремучій,
 На Теребовль и на Сеймъ, и на старую няню;
 Какъ-бы хотѣлось еще разъ взойти въ ту пещеру,
 Гдѣ мы съ тобой познакомились съ дѣтства; отсюда
 Ты возвратишься въ твой міръ,... но съ растерзаннымъ сердцемъ!“
 Грѣза хотѣла взглянуть на мой домъ разоренный,
 На опустѣлый мой садъ, гдѣ безопасно мы въ дѣтствѣ
 Съ нею росли и рѣзвились; отсюда къ могиламъ
 Дѣдовъ пошли и молились оба у церкви.
 Молча спустившись съ горы къ Теребовлю, достигли
 До береговъ живописнаго Сейма, до чудной
 Лысой горы, а потомъ повернули къ колодцу;
 Ближній къ полянѣ утесъ оборвался въ Гремучій;
 Только струя, пробиваясь сквозь глину и камни,
 Напоминала о прошломъ печальнымъ роптаньемъ;
 Грѣза вдохнула и далѣ пошла подъ обрывы,
 Гдѣ начинается всходъ по ступенькамъ къ ущелью;
 Грѣза взошла и исчезла въ пещерѣ; за нею
 Я черезъ силу взобрался и палъ на камень
 Какъ-бы безъ чувствъ и движенія у входа. И скоро
 Передо мною въ пещерѣ разверзлась могила;
 Далѣ подъ сводами мнѣ показались тѣни,
 Всѣ облеченныя въ свѣтлыя ризы, съ цвѣтами
 На головахъ. Закурились оимьямы, и пѣнье
 Тихое, стройное грустно мой слухъ поразило.
 Скоро явилась печальная Грѣза, въ одеждѣ
 Бѣлой, какъ снѣгъ, и съ вѣнкомъ на прекрасной головѣ,
 Сѣла у края могилы, взглянула съ тоскою

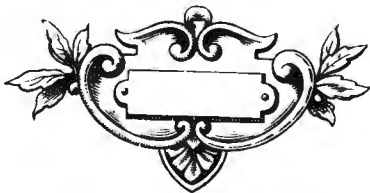
Въ темную глубь, и сквозь слезы ко мнѣ улыбнулась.
 Двое изъ духовъ пещеры ей подали щить мой,
 Съ горемъ увидѣлъ на немъ я кровавыя пятна....
 Грѣза пыталась стереть ихъ одеждой своею,
 Но утомилась, и тихо сказавши мнѣ: „Поздно!“
 Бросила щить мой въ могилу. Потомъ я увидѣлъ
 Женщину съ лавромъ въ рукѣ и съ златыми лучами....

Сообщили В. Н. Полянскій и К. Я. Гротъ.

Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго.

Нѣкто, плохой писатель, сочинившій водевиль „Пустячекъ въ одномъ дѣйствіи“, собралъ разные стихи и прозаическія статьи старинныхъ писателей и озаглавилъ книгу: „Обозъ къ потомству съ книгами и рукописями“.

Грузя средь бѣда дня обозъ,
 Къ потомству лишь чужимъ товаромъ,
 Извозчикъ не сирота, не даромъ
 Съ своимъ задерживаетъ возъ.
 Онъ знаетъ что добра такого,
 Съ мануфактуры Пустячкова,
 Какимъ даритъ перо . . . . ова,
 По улицамъ не пустятъ днемъ;
 А развѣ ночью втихомолку,
 Въ чану, воткнувъ него свѣтелку
 Съ привѣшеннымъ къ ней фонаремъ *)).

*) Записано съ памяти, въ которой, исчезъ одинъ стихъ.